

9. Сиротинина, О.Б. Реальное функционирование русского языка в его отношении к типам речевой культуры / О.Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2006. – Вып. 5. – С. 6-16.
10. Сиротинина, О.Б. Стилистика в свете типов речевой культуры / О.Б. Сиротинина // Stylistyka-XIV (Польша), 2005. – С. 209-218.
11. Сиротинина, О.Б. Что происходит с русским языком // Проблемы речевой коммуникации / О.Б. Сиротинина. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 5-14.
12. Сиротинина, О.Б. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI в. / О.Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 29-42.
13. Солганик, Г.Я. Лексика газеты / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.

Е.С. Скобликова

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Самарский государственный университет

Изучение орфографии – первый шаг в овладении навыками письменной речи. В дальнейшем же на протяжении всей жизни уровень владения этими навыками остаётся одним из показателей общей культуры человека, немаловажным для его имиджа.

Естественно, что усвоение орфографических навыков осуществляется через разные каналы, в том числе через зрительное восприятие правописания языковых единиц, чему в русском письме способствует его морфологический принцип. Лингвистическое же осмысление достигается школьным обучением, обращением к справочной литературе. Специальные знания призваны обеспечивать не только навыки правильного письма, но (как и в любой другой области культуры) и умение сознательно, аналитически оценивать орфографические нормы письменной речи.

К сожалению, вместе с несомненным прогрессом, связанным с установкой на коммуникативную направленность современного школьного обучения русскому языку, выразившуюся в широком включении в школьные учебники теоретических и практических речеведческих материалов, заметно снизилось внимание к материалам орфографическим и даже собственно грамматическим.

Сведения по орфографии часто оказываются обеднёнными, не имеющими объяснительного характера. Нередко они сопровождаются единичными примерами, не обеспечивающими наглядного представления о той

или иной орфографической закономерности. Формулировки правил не лишены неточностей.

С учетом трёх комплексов учебников для общеобразовательных школ (М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов; В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой; учебников под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта) орфографические материалы анализируются в нашем пособии “Обобщающая работа по орфографии” (М.: Дрофа, 2005). Почти каждый раздел этой книги, раскрывая (в том числе в таблицах и схемах) логику выбора определённых орфографических вариантов, содержит “Комментарии к школьным учебникам”.

В пределах настоящей статьи мы остановимся лишь на некоторых орфографических материалах указанных выше учебников. Сразу оговорим неодинаковый уровень эффективности соответствующих материалов в разных учебниках, привлекая, наряду с этим, и данные вышедшего в 2006 году издания – “Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник” (М.: Эксмо, 2006)⁷.

Один из примеров прямой неточности: в учебнике М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов (5 кл.) из издания в издание повторяется утверждение: “Буква *ы* после *ц* пишется: а) в окончаниях и **суффиксах...**” (ср. в действительности: *практицизм, публицист, провоцировать* т.д.). Общее содержание правила (не по пунктам, а суммарно) иллюстрируется в конце пятью примерами – по одному на каждый пункт: “*цифра, лекция, (на -ция); с улицы, сестрицын, цыганский* (искл.)”.

В учебнике для 6 кл. тех же авторов употребление *о* и *е* после шипящих и *ц* в суффиксах прилагательных характеризуется через указание: “под ударением пишется буква *о*, без ударения – буква *е*”. В составе иллюстраций 4 примера: *ежовый, вещевогой, лицевой, торцовый*. Полностью отсутствуют при этом примеры с *о* после мягких шипящих типа *холщовой, парчовой, кумачовой*. Между тем именно с ними связаны ошибки и затруднения в выборе *о* или *ё* и только они способны вызвать заинтересованное внимание своеобразной неожиданностью для ученика: в отличие от них написания *ежовый, торцовый* воспринимаются как очевидные, “не стоящие внимания”. Написание без ударения *е*, а не *о* в словах *вещевой, лицевой* тоже представляется естественным, не требующим особых объяснений. Лингвистически не оправдано объединение в составе одного правила характеристики написаний после шипящих и *ц*: после *ц* ударный звук **о** всегда обозначается буквой *о*, а после шипящих – *о* или *ё* (в зависимости от типа соответствующей морфемы).

Одна из особенностей учебников М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов – в том, что употребление *о*, *ё*, *е* после шипящих характеризу-

⁷ Наша рецензия на это издание будет опубликована в ближайшем номере “Вестника СамГУ”.

ется здесь разобщённо, по мере изучения флексий и суффиксов разных частей речи.

Иначе – обобщённо, со специальным вниманием к ударной позиции и, соответственно более точно и эффективно – употребление *о, ё, е* после шипящих характеризуется в учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой (5-9 кл., §41). Здесь картина использования этих букв охватывается почти полностью по отношению к корневым и к аффиксальным морфемам. Однако среди примеров с суффиксами прилагательных тоже только “*ежовый, но грушевый*” – без лексем типа *парчовый, холщовый*.

Цельность показа закономерностей выбора *о – ё* для обозначения *о* после шипящих в ударной позиции в наибольшей степени обеспечивается в учебниках под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта. Особенной наглядностью и точностью отличается здесь таблица, предлагаемая для осмысления в упражнении 81 (7 класс).

Если обратиться к написанию *о* и *ё* в корневых морфемах, то суть их употребления под ударением после шипящих при обобщающем рассмотрении в обоих указанных учебниках выражена одинаково. См. в учебнике под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта:

– *ё* употребляется, “если при изменении слова или в однокоренных словах *ё* чередуется с *е*”;

– *о* пишется, “если невозможно подобрать родственные слова с *е* в данном корне”⁸.

Нельзя не выразить удивления по поводу того, насколько неудачнее по сравнению с указанными школьными учебниками правописание *о* и *ё* после шипящих в корневых морфемах интерпретируется в “Правилах русской орфографии пунктуации. Полный академический справочник” (М.: Эксмо, 2006).

С одной стороны, здесь сформулированы (но разобщено, в перечислительном порядке, а не как составляющие единое правило!) те два положения, которые, как и в указанных выше учебниках, по существу исчерпывающе характеризуют основную закономерность выбора *о* и *ё*. См.:

– *о* употребляется: “6. В тех корнях русских (?) слов, где гласный *о* после шипящих всегда ударный и не чередуется с *э* (на письме с *е*): *жолк-*

⁸ Непонятно, однако, почему в заголовочной части таблицы в общем ряду не упомянуты глагольные корни: “в корнях существительных и прилагательных под ударением пишется...” (Ср. аналогичную закономерность в словоформах *шёл – шедший, учёл – учесть, зажёг – зажечь* и под.) Единственным исключением здесь является как раз правописание с **о** единичных **существительных**, закреплённое для различения их с глаголами: *ожог, поджог, изжога*. Ср. *поджог дома* и *поджѐг дом*. Заметим также, что вопреки общей заголовочной части, где имеется в виду положение после шипящих, в ряду примеров с суффиксами и окончаниями даны словоформы *свинцовый, овцой*.

нуть (и пожолкнуть), жостер, жох, ужо, чокаться, чокнутый, чомга, чопорный <...>” (С. 29);

– е употребляется: “7. В тех корнях русских слов, где ударному гласному *о* соответствует в других однокоренных словах или формах гласный (ударный или безударный), передаваемый буквой *е*: жёлтый – *желтеть*, шёпот – *шептать*, чёрный – *чернеть* и под.” (С. 30-31).

На фоне этих двух положений, формулирующих по сути одно правило (правда, как указывалось, разобщённо и “в обратном порядке”), три (!) других положения оказываются избыточными.

Так, в §18 отдельным (7-м) пунктом употребление *о* констатируется “в корнях заимствованных (иноязычных) слов <...> *боржоми, джокер, джонка* <...>, *мажор*<...>” (С. 29-30). Между тем это тоже слова, в которых ударное *о* “не чередуется с э (на письме с *е*)”, а противопоставление исконно русских и заимствованных слов не только неудобно для массового пользователя, но не проводится и в иллюстрациях к самим правилам: см. выше среди примеров “русских” слов лексему *жостер*.

Отдельным (6-м) пунктом в §19 выделено также употребление *ё* “на месте беглого *о* в глагольных формах прошедшего времени мужского рода: *жѐг* <...> (<...> ср. *зажгу, зажгла*), *-чѐл* (*прочѐл, учѐл* и др., ср. *прочла, учла*), *шѐл* <...> (ср. *шла, пришла, ушла*)” (С. 30). Необходимость этого пункта полностью снимается положением о том, что *ё* пишется в корнях, когда “ударному гласному *о* соответствует в других однокоренных словах <...> гласный, передаваемый буквой *е*” (С. 30-31). Все перечисляемые в данном пункте словоформы соответствуют данному положению: *жѐг* – *жечь*; *прочѐл* – *прочесть*; *шѐл* – *шедший*.

По отношению к корневым компонентам слов *жор, обжора, жом* столь же избыточно положение о написании *о* “на месте беглого гласного в именах существительных и прилагательных” (пункт 5, с. 29. Выделено нами – Е.С.): *о* здесь не чередуется с *е*. А объединение в этом пункте сведений о правописании корневых и суффиксальных морфем искаженно представляет всю систему, в которой употребление *о* или *ё* на месте ударного *о* после шипящих жестко зависит от характера соответствующей морфемы.

Дважды используемая в рассматриваемом разделе формула “на месте беглого гласного” ничего не проясняет в закономерностях выбора *о* или *ё*, осложняет процедуру этого выбора и даже понимание пользователями соответствующих фрагментов “Правил”. Более того, она недостаточно корректна лингвистически: буквы *о* или *ё* обозначают в рассматриваемых случаях ударный гласный *о* и употребляются “на месте звука *о*”, а не абстрактного “беглого гласного”.

Ни один из рассматриваемых выше источников не содержит лингвистически адекватной и методически эффективной характеристики такой

сложной и в чем-то противоречивой системы, которая сложилась в области правописания двух или одного *n* в полных причастиях и отглагольных прилагательных.

Наиболее адекватно эта система характеризовалась вплоть до издания 2000 года в учебнике М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов. Во главу угла здесь ставились четыре формальных условия употребления двух *n*, в первую очередь – наличие приставки.

Однако в последующих изданиях характеристика резко изменилась в сторону несконцентрированности сведений, их теоретической неясности – в сторону качеств, которые присущи также и материалам учебника под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта (6 кл., М., 2006, §28).

На правах собственно теоретического положения в новых изданиях учебника М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. авторов стал выделяться лишь следующий фрагмент: “Две буквы *n* пишутся в суффиксах полных страдательных причастий прошедшего времени, образованных:

- от глаголов совершенного вида;
- от глаголов несовершенного вида.

Эти причастия имеют при себе пояснительные слова и являются главным словом причастного оборота” (7 кл. М., 2002, §21).

Во всех рассматриваемых школьных учебниках эксплицитно или имплицитно прослеживается тенденция однозначно и упрощённо связывать употребление двух *n* с причастиями, одного *n* – с отглагольными прилагательными. Соответственно, как отглагольные прилагательные рассматриваются лишь пишущиеся с одним *n* бесприставочные образования без зависимых слов. Так, в учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой (5-9 кл. М., 2006, § 139) в сочетании *маринованные грибы* (в отличие от *солёные грибы*) усматривается причастие (В учебнике под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта – 6 кл. М., 2006, §28 – образования на *-ованный* вообще не учитываются). Ни в одном из учебников последних изданий не упоминается о приставочных отглагольных прилагательных: *растерянный вид, смешанный лес, сдержанный тон* и под.

Между тем если в правописании полных форм различие причастий и отглагольных прилагательных в выборе одного или двух *n* практически неактуально (ср. *растерянные игрушки* и *растерянный вид; организованная в мае выставка* и *организованный человек* и под.), то в правописании кратких форм эти семантико-грамматические различия приобретают решающее значение: *Игрушки были растеряны – Лица были угрюмы и растеряны; В мае организована выставка – Дочка очень организованна*⁹.

В “Правилах русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник” (М.: Эксмо, 2000, §98) осложненность изложения в рас-

⁹ Подробнее анализ соответствующих материалов см. в нашем пособии: Обобщающая работа по орфографии. – М.: Дрофа, 2005. – С. 50-53.

сма­три­вае­мом раз­де­ле свя­за­на с тем, что су­гу­бо част­ная груп­па при­ла­га­тель­ных и прича­стий на *-ован­ный* не­пра­во­мер­но воз­ве­де­на в ранг ис­ход­ной в об­щей ло­гике из­ло­же­ния. В цен­тре рас­смот­ре­ния ус­ло­вий на­пи­са­ния двух *н* здесь ока­зы­ва­ет­ся про­ти­во­пос­тав­ле­ние об­ра­зо­ва­ний “на *-ован­ный, -ёван­ный, -еван­ный*” и “не на *-ован­ный (-ёван­ный, -еван­ный)*”.

При об­щей тра­ди­ци­он­но­сти са­мих рас­сма­три­вае­мых на­пи­са­ний об­ра­ща­ют на се­бя вни­ма­ние два ни­как не оговариваемых и не об­ьяс­няе­мых част­ных нов­ше­ства – на­пи­са­ние *счи­та­ные ми­ну­ты / ча­сы* и под. и *чи­та­ный – пере­чи­та­ный* с од­ним *н*.

Пе­ре­чень про­яв­ле­ний не­точ­но­сти или не­це­лесо­об­раз­но­сти в ло­гике рас­смот­ре­ния ор­фо­гра­фиче­ских за­ко­но­мер­но­стей и тен­ден­ций в из­да­ни­ях, рас­счи­тан­ных на мас­со­вого поль­зо­ва­те­ля, мож­но бы­ло бы про­дол­жать. Но пред­став­ля­ет­ся, что и при­ве­дён­ных при­ме­ров дос­та­точ­но для вы­во­да: лин­г­ви­сти­че­ское обес­пе­че­ние ор­фо­гра­фиче­ской куль­ту­ры оста­ёт­ся оче­вид­но не­дос­та­точ­ным.

Е.Н. Басовская

ОШИБКИ-СТАРОЖИЛЫ: “БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА” В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Российский государственный гуманитарный университет

Кто стан­ет спорить с тем, что “чи­сто­та язы­ка” – это пре­крас­но? Су­ще­ствительное “чи­сто­та” во­об­ще окру­же­но по­зи­тив­ны­ми кон­но­та­ци­ями. “Рус­ский се­ман­ти­че­ский сло­варь” фик­си­ру­ет в ря­ду бли­жай­ших ас­со­ци­а­ций со сло­вом “чи­сто­та” мейо­ра­тив­ные при­ла­га­тель­ные “ак­ку­ра­тный”, “под­тя­ну­тый”, “пунк­ту­аль­ный”, “тщатель­ный” [10: 546].

Ес­те­ствен­но, “чи­сто­та” по­сто­ян­но упо­ми­на­ет­ся в лин­г­ви­сти­че­ских по­со­биях и справочниках в качестве обя­за­тель­ного ка­че­ства хо­ро­шей речи [12: 51; 4: 217; 7: 751; 13: 366]. При этом под ре­че­вой “чи­сто­той” по­драз­у­ме­ва­ют­ся весь­ма раз­лич­ные свой­ства тек­ста – от­сут­ствие не­ли­тературных эле­мен­тов, кан­це­ля­ризм, ли­шних слов и так да­лее.

Не­смот­ря на не­ко­то­рую раз­мы­тость по­ня­тия, об­щественному мнению свой­ствен­но осоз­на­вать “борьбу за чи­сто­ту язы­ка” в ка­че­стве ак­ту­аль­ной со­цио­куль­тур­ной за­да­чи. Отра­же­нием и в то же время катализатором по­доб­ных умо­на­строений ста­но­вит­ся пресса, пуб­ли­ку­ю­щая рас­суж­де­ния спе­ци­а­ли­стов и пись­ма чи­та­те­лей, по­свя­щен­ные не­об­хо­ди­мо­сти очи­ще­ния язы­ка от тех или иных “сорняков”, то есть чуж­дых и вред­ных яв­ле­ний.